

На правах рукописи

Ворсина Ольга Петровна

**КЛИНИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНЫЕ
ОСОБЕННОСТИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ**

14.01.06-Психиатрия

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**д и с с е р т а ц и и
на соискание ученой степени
доктора медицинских наук**

Томск

2012

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении «Научно-исследовательский институт психического здоровья» Сибирского отделения Российской академии медицинских наук.

Научный консультант:

д-р мед. наук

Симуткин Герман Геннадьевич

Официальные оппоненты:

д-р мед. наук, профессор

Семке Аркадий Валентинович
ФГБУ «НИИПЗ» СО РАМН (Томск)

д-р мед. наук, профессор

Говорин Николай Васильевич
ГБОУ ВПО Читинская ГМА
Минздравсоцразвития России

д-р мед. наук, профессор

Салмина-Хвостова Ольга Ивановна
ГБОУ ДПО Новокузнецкий ГИУВ
Минздравсоцразвития России

Ведущее учреждение: ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского» (Москва).

Защита состоится 12 декабря 2012 г. в 10 часов на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 001.030.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении «Научно-исследовательский институт психического здоровья» Сибирского отделения Российской академии медицинских наук по адресу: 634014, Томск, ул. Алеутская, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУ «НИИПЗ» СО РАМН.

Автореферат разослан 9 ноября 2012 г.

Ученый секретарь совета по защите
докторских и кандидатских
диссертаций Д 001.030.01
кандидат медицинских наук

 О. Э. Перчаткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Самоубийство является актуальной медико-социальной проблемой современного общества, демонстрирующей тенденцию к росту во многих странах мира (Дмитриева Т. Б., Положий Б. С., 1994—2006; Ласый Е. В., 2004, 2011; Войцех В. Ф., 2006; Положий Б. С., 2007—2012; Разводовский Ю. Е., 2005, 2010; Паровая О. М., 2011; Douglas J. D., 1967; Agerbo E. et al., 2002; Hawton K. et al., 2005; Lorant V., 2005; Valle V. et al., 2008; Kim S. Y. et al., 2011; Simkin S. et al., 2012; Bertolote J. M., De Leo D., 2012).

Ежегодно, по данным ВОЗ (2008), в мире от самоубийств погибает 1 миллион человек, в 10—20 раз большее число людей предпринимают попытку самоубийства (Амбрумова А. Г., 1984; Leenaars A. A., 1995; Diekstra R. F. W., 1996; Cutcliffe J. R., 2003). В России количество суицидов и динамика их роста превышает аналогичные показатели большинства европейских стран (Войцех В. Ф., 2006; Положий Б. С., 2006; Положий Б. С., Лазебник А. И., 2011; Wasserman D. et al., 2009), наша страна занимает по этому показателю одно из первых мест в мире. Коэффициент смертности от суицидов в Российской Федерации составил в 2008 г. 27,1 на 100 тысяч населения (Госстат, 2009), что существенно превышает критический уровень самоубийств, установленный экспертами ВОЗ. Суициды в России являются самой распространенной «внешней» причиной смерти, при этом смертность от самоубийств превышает в 1,5 раза смертность от убийств и в 2 раза — смертность от дорожно-транспортных происшествий.

Большинство современных исследователей рассматривают суицидальное поведение как сложный биосоциальный феномен, результат воздействия на индивида комплекса различных социальных, биологических, психологических и патопсихологических факторов (Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А., 1978, 1980; Амбрумова А. Г., Постовалова Л. И., 1983; Войцех В. Ф., 1998—2006; Положий Б. С., 2006, 2011; Говорин Н. В., Сахаров А. В., 2008; Murphy G. E. et al., 1986; Rujescu D., 2007; Sarchiapone M. et al., 2007). Среди прочих факторов, влияющих на суицидальное поведение, одно из первых мест занимают социально-экономические факторы. Рядом зарубежных авторов показана положительная корреляция между частотой суицидов и уровнем разводов и безработицы (Leenaars A. A., 1993; Grunewald P. et al., 1993; Canton C. H. et al., 1995; Rihmen Z., 2007). Опыт мировой суицидологии

свидетельствует о существовании тесной зависимости между частотой суицидов и такими переменными, как степень индустриализации, урбанизации, экономической нестабильности, нарушением привычных жизненных стереотипов под воздействием социальных или политических преобразований (Амбрумова А. Г., 1996; Лопатин А. А., Кокорина Н. П., 1996; Pritchard C., 1995; Lester D., 1998; Wasserman D., Varnik A., 2002).

Многими авторами уделяется серьезное внимание влиянию этнокультуральных факторов в случае психических расстройств, а также на суицидальное поведение (Положий Б. С., 1995—2009; Дубравин В. И., 1997; Лазебник А. И., 2001; Васильев В. В., 2001; Семке В. Я., 2000, 2005, 2012; Салмина-Хвостова О. И. и др., 2008; Weisman M., 1987; Schmidtke A. et al., 1993; Bille-Brahe U. et al., 1993; Ozsvath K., 1996; Rihmen Z., 2007). Представители различных этнических групп по-разному относятся к факту самоубийства, представители разных стран либо различных этносов, живущих в одной стране, существенно отличаются по характеру совершаемого суицида. Региональные лидеры по числу суицидов в РФ — Дальневосточный и Сибирский федеральные округа (33,3 и 34,3 на 100 тысяч в 2010 г.). Одним из национальных образований с высокой суицидальной активностью является Усть-Ордынский Бурятский округ, где за последние 20 лет частота завершенных суицидов в 2—3 раза превышала общероссийские показатели.

Уровень суицидов среди лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами, превышает выявляемый уровень самоубийств в общей популяции — от 2,5 (Агафонов С. К., 2005) до 5 раз (Гладышев М. В., Положий Б. С., 2005). В ряде работ достоверно показан высокий уровень суицидального риска у больных депрессивными расстройствами (Остроглазов В. Г. и др., 1998; Лапин И. А., 2005; Angst J. et al., 2005; Coryell W., Young E. A., 2005), шизофренией (Данилова М. Б. и др., 1987; Измайлова Н. Т., 1998; Конева О. В., Семке А. В., 2007; Cohen L. J. et al., 1990; Palmer B. A. et al., 2005), психогенными психическими расстройствами (Данилова М. Б., 1978; Головизина О. Л., 2005; Apter A. et al., 2003; Pompili M. et al., 2004).

Таким образом, суицидальное поведение характеризуется разнообразием причин и факторов, его формирующих. Изучение преимущественного влияния тех или иных факторов, включая этнокультуральные факторы, в различных группах суицидентов по-прежнему представляет собой актуальную задачу.

Существующие сведения о генезе суицидального поведения свидетельствуют о многоплановости данной проблемы и необходимости объединения усилий специалистов многих дисциплин при ее углубленном изучении. Отсюда очевидна необходимость интеграции исследований в данной области, что позволит позитивным образом воздействовать на профилактику и негативные последствия суицидального поведения населения, разработать мероприятия, направленные на улучшение суицидологической помощи.

Цель исследования: изучение суицидального поведения в крупном промышленном регионе Восточной Сибири с учетом эпидемиологических, социально-демографических, клинических, этнокультуральных аспектов в общей популяции населения и в контингенте психически больных с последующей разработкой и внедрением модели суицидологической службы в Иркутской области.

Задачи исследования:

1. Изучить распространенность завершенных суицидов и суицидальных попыток и их многолетнюю динамику в Иркутской области и Усть-Ордынском Бурятском округе.
2. Определить социально-демографические и клинические характеристики лиц, предпринявших суицидальные попытки, с выделением групп высокого суицидального риска, а также лиц, склонных к рецидивированию суицидального поведения.
3. Провести анализ нозологической структуры контингента суицидентов, госпитализируемых в психиатрический стационар с учетом степени выраженности суицидального риска, основных клинических характеристик, влияющих на динамику и исход суицидальной активности.
4. Провести сравнительный анализ распространенности, причин возникновения и условий формирования суицидального поведения бурятского и славянского населения, проживающего в аналогичных климатогеографических и социально-экономических условиях.
5. Проанализировать взаимосвязь распространенности и многолетней динамики, причины возникновения и условия формирования суицидального поведения детей и подростков Иркутской области.

6. Разработать и внедрить региональную модель специализированной суицидологической службы как организационно единого медицинского учреждения в составе трех структурных подразделений – Телефона Доверия, кабинета социально-психологической помощи и кризисного стационара.

7. Предложить, апробировать и внедрить профилактические и лечебно-реабилитационные программы антикризисного вмешательства для лиц с кризисными состояниями и суицидальным поведением.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В условиях крупного промышленного региона Восточной Сибири, несмотря на наметившееся улучшение ситуации (снижение частоты суицидов за последние 8 лет в 1,5 раза в Иркутской области), по-прежнему отмечается высокий уровень суицидальной активности населения, превышающий в 1,8 раза общероссийские показатели.
2. Уровень суицидальной активности населения крупного промышленного региона Восточной Сибири зависит от констелляции ряда медицинских (наследственная отягощенность, психические и соматические заболевания), социально-демографических (пол, возраст, образовательный уровень, место проживания, профессиональный и семейный статус) и этнокультуральных факторов. Наиболее важными клиническими прогностическими факторами риска повторяющегося суицидального поведения является совершение первой суицидальной попытки в возрасте до 30 лет, постсуицидальный аффект по типу «холодное спокойствие», наличие расстройств личности и поведения в зрелом возрасте, злоупотребление психоактивными веществами и отклоняющееся поведение в анамнезе, высокая частота госпитализаций в психиатрический стационар, а также наличие тяжелой соматической патологии.
3. Значимые этнокультуральные различия суицидального поведения у лиц бурятской и славянских национальностей касаются возраста, наиболее уязвимого в отношении данного поведения (превалирование у бурят завершенных суицидов в возрасте 10—59 лет, по сравнению с преобладанием завершенных суицидов и суицидальных попыток у славян в возрасте старше 60 лет), продолжительности пресуицидального периода (большая

длительность у бурят – до 1 года), преобладания у бурят неагрессивных форм мотиваций (отказ от жизни и избегание наказания), способов совершения самоубийства (превалирование у бурят случаев нанесения колото-резаных ран, а у славян – повешения), клинической структуры выявляемых психических расстройств (у бурят – больший удельный вес психических расстройств и расстройств поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ; у славян – большая представленность реакций на тяжелый стресс и расстройств адаптации).

4. Эффективной формой оказания суицидологической помощи населению крупного промышленного региона является специализированная, интегрирующая долгоспитальный, госпитальный и постгоспитальный этапы, суицидологическая служба (Телефон Доверия, кабинет социально-психологической помощи, кризисный стационар), учитывающая социально-демографические, экономические и этнокультуральные особенности соответствующего региона.

Научная новизна. Впервые на репрезентативном материале изучена распространенность завершенных суицидов и ее динамика в крупном промышленном регионе Восточной Сибири за 20 лет (1991—2010 гг.) в зависимости от пола, возраста, образования, социального и семейного положения, а также от места проживания суицидентов. Выявлены группы населения с высоким суицидальным риском, а также изучены клинические факторы, оказывающие влияние на распространенность суицидального поведения в регионе. Впервые получены данные о популяционной распространенности среди населения Иркутска незавершенных суицидальных попыток в динамике за 3 года (2005—2007 гг.). Впервые получены данные о популяционной распространенности среди детей и подростков Иркутска незавершенных суицидальных попыток в динамике за 4 года (2006—2009 гг.).

Впервые проведен сравнительный анализ распространенности, причин возникновения и условий формирования суицидального поведения бурятского и славянского населения Усть-Ордынского Бурятского округа. Выявлены различия в социально-демографических, клинических и этнокультуральных характеристиках суицидентов в зависимости от их национальной принадлежности. Установлено влияние этнокультуральных факторов на суицидальное поведение психически больных бурятской и славянских национальностей.

На основании полученных данных разработана и внедрена региональная модель специализированной суицидологической службы Иркутской области.

Практическая значимость работы. Полученные эпидемиологические и клинические данные о завершенных суицидах и суицидальных попытках в Иркутской области позволили определить основные направления оптимизации специализированной суицидологической помощи в регионе, на основании которых в Иркутской области и ее областном центре с 2011 г. начала функционировать суицидологическая служба.

Учитывая высокую распространенность завершенных суицидов и покушений на самоубийство в Иркутской области и низкий уровень обращаемости лиц с суицидальным поведением в психиатрические учреждения, внедрены программы специализированной лечебно-реабилитационной помощи данной категории лиц.

Выявленные этнокультуральные особенности суицидального поведения бурятского и славянского населения Усть-Ордынского Бурятского округа необходимо учитывать при разработке и проведении специализированной суицидологической помощи.

Полученные эпидемиологические и клинические данные о завершенных суицидах и суицидальных попытках детей и подростков Иркутской области позволят в дальнейшем предпринять меры по оптимизации оказания суицидологической помощи данной категории лиц.

Внедренная комплексная система оказания специализированной суицидологической помощи позволяет снизить уровень завершенных самоубийств и покушений на самоубийство, а также предупредить повторные суициды.

Внедрение результатов исследования в практику. По итогам исследования изданы методические рекомендации «Этнокультуральные аспекты суицидального поведения населения Усть-Ордынского Бурятского округа» (Иркутск, 2011); методические рекомендации «Особенности суицидального поведения детей и подростков Иркутской области» (Иркутск, 2011). Результаты работы внедрены в практическую деятельность ОГКУЗ «Иркутская областная клиническая психиатрическая больница № 1», ОГБУЗ «Иркутский областной психоневрологический диспансер», ОГКУЗ «Иркутская областная психиатрическая больница № 2», областных психиатрических учреждений городов Ангарска, Братска, Усть-Илимска, Тулуна, научно-профилактического

центра социальной реабилитации населения по проблемам зависимостей ГУ ВСНЦ СО РАМН, Министерства здравоохранения Иркутской области. Материалы диссертационного исследования используются в учебном процессе на циклах повышения квалификации врачей-психиатров, психиатров-наркологов и психотерапевтов на кафедре психиатрии ГБОУ ДПО ИГМАПО Минздравсоцразвития РФ и ГБОУ ДПО Иркутского ГМУ Минздравсоцразвития РФ.

Апробация работы. Материалы диссертации доложены и обсуждены на межрегиональной научно-практической конференции «Современные вопросы клиники, терапии психических расстройств» (Иркутск, 2005); межрегиональной научно-практической конференции «Современное состояние и перспективы развития региональной системы здравоохранения» (Иркутск, 2006); межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной психиатрии» (Иркутск, 2010); общероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы психиатрии» (Чита, 2011); XV Отчетной научной сессии, посвященной 30-летию НИИПЗ СО РАМН (Томск, 2011); межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы суицидологии» (Иркутск, 2012); I Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы этнокультуральной психиатрии и аддиктологии» (Томск, 2012); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Психическое здоровье населения как основа национальной безопасности России» (Казань, 2012); Общероссийской научно-практической конференции «Аффективные расстройства в клинике эндогенных психозов» (Иркутск, 2012).

Публикация материалов исследования: результаты исследования опубликованы в 27 научных публикациях, из них 14 – в ведущих научных изданиях, рецензируемых ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Объем и структура работы. Диссертация изложена на 373 страницах машинописного текста, из них 370 страниц основного текста. Состоит из введения, глав, заключения, выводов, практических рекомендаций, списка литературы (всего 475 источников, из них опубликованных в России – 185, иностранных – 290), приложений (2). В тексте диссертации приведены 157 таблиц и 32 рисунка.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В связи с поставленными задачами исследование включало следующие этапы: изучение динамики эпидемиологических показателей завершенных суицидов за 20 лет (1991—2010 гг.) среди населения Иркутской области; изучение динамики эпидемиологических показателей завершенных суицидов за 20 лет (1991—2010 гг.) среди жителей Иркутска; изучение динамики показателей частоты завершенных суицидов за 1991—2010 гг. среди жителей 6 районов Усть-Ордынского Бурятского округа (УОБО); изучение динамики эпидемиологических показателей завершенных суицидов за 19 лет (1991—2009 гг.) среди детей и подростков Иркутской области; изучение суицидальных попыток среди жителей Иркутска за 2005—2007 гг.; изучение суицидальных попыток населения Усть-Ордынского Бурятского округа за 2005—2007 гг.; изучение суицидальных попыток среди детей и подростков Иркутска за 2006—2009 гг.; выделение факторов суицидального риска; разработка и внедрение региональной модели специализированной суицидологической службы; определение клинико-нозологических и социально-демографических характеристик контингента населения, нуждающегося в специализированной помощи такого рода службы.

При изучении эпидемиологических закономерностей завершенных суицидов в Иркутской области, в Иркутске, в 6 районах Усть-Ордынского Бурятского округа использовались материалы информационных систем о частоте суицидальных действий определенных групп населения (данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскоблстат), Иркутского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, Медицинского информационно-аналитического центра (МИАЦ) Министерства здравоохранения Иркутской области, ЗАГСов 6 районов Усть-Ордынского Бурятского округа).

Банк данных о количестве завершенных самоубийств в Территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области формировался из представленных следственными органами постановлений о том, что смерть лица наступила

---

* Для расчета относительных показателей использована оценка возрастного-полового состава населения без учета итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. (ВПН-10).

в результате самоубийства. Факт суицида устанавливался следственными органами после осмотра места происшествия, опроса свидетелей и получения результатов патолого-анатомического вскрытия. Для изучения социально-демографических и клинических характеристик лиц, совершивших завершённые суициды, была сформирована выборка из 537 суицидентов Иркутска.

Изучение суицидальных попыток среди населения Иркутска проводилось путем анализа вызовов Станции скорой и неотложной медицинской помощи за 2005—2007 гг. с дальнейшим отбором вызовов ($n=3548$), связанных с суицидальным поведением.

Изучение суицидальных попыток среди населения 6 районов Усть-Ордынского Бурятского округа проводилось по вызовам Станций скорой и неотложной медицинской помощи с формированием выборки из 596 лиц, предпринявших суицидальные попытки.

Клинико-психопатологические, клинико-динамические и катamnестические исследования проводились в отделении кризисных состояний и в кабинетах социально-психологической помощи суицидологической службы городов Иркутска и Ангарска. Всего был обследован скрининг-методом 781 пациент с кризисными состояниями, из них 132 пациента, совершивших суицидальные попытки, изучены 132 амбулаторные карты.

При анализе суицидальных попыток детей и подростков Иркутска была сформирована выборка из 46 человек, госпитализированных по этому поводу в соматический стационар городской Ивано-Матренинской детской клинической больницы и областной токсикологический центр, а также выборка из 93 человек, совершивших суицидальные попытки и госпитализированных в психиатрический стационар Иркутской областной клинической психиатрической больницы № 1.

Основными методами настоящего исследования являлись клинико-эпидемиологический, клинико-катamnестический, клинико-психопатологический и психометрический. Классификация диагноза проводилась в соответствии с Международной классификацией болезней, травм и причин смерти 10-го пересмотра (МКБ-10) (Минздрав РФ, 1998) и практическим руководством по использованию МКБ-10 в психиатрии и наркологии (Чуркин А. А., Мартюшов А. Н., 2004).

Экспериментально-психологическое обследование совершивших суицидальные попытки (первичные либо повторные) включало в себя батарею тестов: «Опросник социально-психологической

адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда (1954); шкала депрессии Бека (BDI, 1961); «Шкала суицидальных мыслей» (SSI, 1979).

Все больные были обследованы автором лично. При исследовании соблюдались основные принципы – информированное согласие и партнерство.

Полученные результаты проверялись стандартной статистической обработкой при помощи пакетов программ «Microsoft Excel 2007» и «Statistica 6.0».

Для проверки гипотезы о том, что данная выборка взята из совокупности с заданными характеристиками или же для проверки гипотезы об однородности двух выборок применялся критерий Стьюдента (Савилов Е. Д., Мамонтова Л. М. и др., 2004).

Для сравнения двух выборок применялся непараметрический Z-критерий (Гланц С., 1998).

Для оценки близости двух распределений (где явления представлены в виде динамических рядов) применялся критерий соответствия, обозначаемый χ^2 (хи-квадрат) (Михалевич И. М. и др., 2004).

Для решения задач классификации в исследовании применялся дискриминационный анализ – метод многомерной статистики, позволяющий отнести объект с определенным набором признаков к одному из известных классов (Юнкеров В. И., Григорьев С. Т., 2002).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Социально-демографические и клинические характеристики лиц, совершивших завершённые суициды

Иркутская область входит в группу регионов России со сверхвысокой суицидальной активностью населения. Количество завершённых суицидов в Иркутской области в 1,7—1,8 раза превышает общероссийские показатели: 2009 и 2010 гг. – 44,6 и 43,1 на 100 тысяч (РФ – 26,2 и 23,5 на 100 тысяч) ($p<0,05$).

Проведенный клинико-эпидемиологический анализ суицидологической ситуации в регионе позволил установить высокую суицидальную активность населения Иркутской области. В 2010 г. интенсивный показатель завершённых суицидов составил $43,1\pm 1,31$ на 100 тысяч населения (мужчины – $73,5\pm 2,52$, женщины – $14,6\pm 1,04$ на 100 тысяч), т. е. показатель суицидов среди мужчин превышал таковой среди женщин в 5,1 раза ($p<0,001$).

За 2010 г. выявлено 2 возрастных пика суицидальной активности населения: первый – лица 20—39 лет ($65,4\text{—}61,7$ на 100 тысяч), второй – лица в возрасте 70 лет и старше ($46,3\pm 4,9$ на 100 тысяч).

Интенсивные показатели суицидов мужчин во всех возрастных группах были значительно выше, чем у женщин. Максимальные различия установлены в возрастной группе 30—39 лет – 7,1 раза ($p<0,001$). Наиболее высокий уровень завершенных суицидов среди мужчин выявлен в интервалах 20—29 лет и 30—39 лет (соответственно $112,4\pm 7,05$ и $110,4\pm 7,74$ на 100 тысяч) ($p<0,001$), а также в группе 70 лет и старше ($95,6\pm 13,12$ на 100 тысяч). У женщин наиболее высокий показатель суицидов отмечался в возрасте 70 лет и старше ($26,3\pm 4,38$ на 100 тысяч).

Анализ возрастной структуры группы лиц, совершивших завершённые самоубийства в 2010 г. ($n=1047$, 850 мужчин и 197 женщин), в Иркутской области показал, что наибольшее их количество представляли лица в возрасте 20—29 лет (28,4 %) ($p<0,001$). Самая высокая доля самоубийств, как в мужской субпопуляции (29,9 %), так и в женской (21,8 %), приходилась на возрастную интервал 20—29 лет ($p<0,001$). Большую часть суицидов в Иркутской области совершали лица трудоспособного возраста – 78,5 % (мужчины – 81,0 %, женщины – 67,5 %) ($p<0,001$).

Изучение 20-летней динамики (1991—2010 гг.) завершённых суицидов по Иркутской области свидетельствует о том, что с 1991 г. ($37,3\pm 1,14$ на 100 тысяч) начинается выраженный рост частоты самоубийств, достигая в 1994—1995 гг. рекордных значений уровня суицидов – $60,7\pm 1,21$ и $63,5\pm 1,23$ на 100 тысяч соответственно (рис. 1).

Показано, что за первые 5 лет анализируемого периода частота самоубийств увеличилась в 1,7 раза ($p<0,001$), такая динамика отражает происходившие в стране изменения социальной ситуации: смена общественно-экономической формации, резкое снижение уровня жизни, разочарование в политике государства. В 1996—1998 гг. уровень самоубийств несколько снизился (показатели колебались от $55,2\pm 1,19$ до $54,2\pm 1,18$ на 100 тысяч). Однако в 1998 г. эта тенденция прерывается, что хронологически связано с экономическим кризисом, проявившимся так называемым августовским дефолтом. В 1999 г. уровень самоубийств вновь достигает $61,0\pm 1,22$ на 100 тысяч и остается стабильно высоким до 2002 г. ($65,2\pm 1,26$ на 100 тысяч). Лишь с 2003 г. начинается постепенное снижение завершённых суицидов с $58,1\pm 1,23$ до $43,1\pm 1,14$ на 100 тысяч в 2010 г., т. е. за 8 лет уровень суицидов

снизился в 1,5 раза ($p<0,001$), что отражает начавшиеся процессы стабилизации в стране. Динамика завершённых суицидов в Иркутской области за 1991—2010 гг. остается неблагоприятной (темп прироста 15,5 %) и подтверждает существенное влияние макросоциальных факторов на частоту самоубийств.

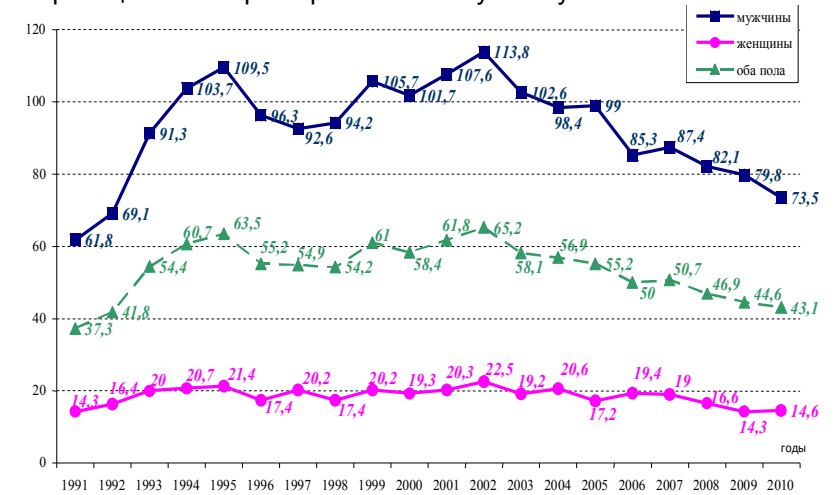

Рис. 1. Динамика частоты суицидов в Иркутской области (на 100 тысяч)

Многолетняя динамика смертности от завершённых суицидов определялась динамикой мужских самоубийств. Общая тенденция распространенности мужских суицидов за 20-летний период остается неблагоприятной (темп прироста составляет 18,9 %).

В женской субпопуляции 20-летняя тенденция уровня самоубийств оказалась более стабильной. Показатели смертности от суицидов в начале изучаемого периода (1991 г.) равнялись $14,3\pm 0,98$ на 100 тысяч женского населения, в 2010 г. частота женских самоубийств вернулась практически к первоначальным значениям.

При завершённых суицидах преобладали лица со средним (32,4 %) и незаконченным средним (28,1 %) образованием, безработные (31,1 %), не состоящие в браке (66,1 %).

Принадлежность суицидентов к сельским или городским жителям является важной составляющей, влияющей на показатели частоты распространенности суицидов. В 2010 г. интенсивные показатели распространённых суицидов среди сельского населения области были в 2 раза выше, чем среди городского ($p<0,001$).

Заметим, что 20-летняя динамика городских и сельских суицидов отличалась: показатели городских самоубийств уменьшились в 1,2 раза (отрицательный темп прироста – 5,2 %), а сельские суициды увеличились в 1,7 раза (темп прироста составил 69,5 %: мужчины – 66 %, а женщины – 112 %) ($p < 0,001$).

У городских жителей ($n=537$, 426 мужчин и 111 женщин) максимальные показатели уровня суицидов наблюдаются в старших возрастных группах – в 70-летнем возрасте и старше (у мужчин еще и в возрастных интервалах 30–39 и 20–29 лет). У сельских жителей ($n=101$, 82 мужчины и 19 женщин), как среди мужчин, так и среди женщин, пик суицидов приходится на активный трудоспособный возраст 20–29 лет и 30–39 лет, т. е. на селе наблюдается картина «омоложения» суицидов.

Анализ способов совершения суицидов выявил, что в обеих группах суицидентов чаще всего выбиралось самоповешение, но на селе этот способ самоубийства был более распространен, чем в городе (82,2 % против 70,2 %; $p < 0,01$). Среди жителей города достоверно чаще совершались суициды посредством отравления – 16,6 % против 7,9 % ($p < 0,01$). Городские мужчины значительно чаще прибегали к отравлению (11,7 %), чем мужчины на селе (3,7 %) ($p < 0,01$), а сельские женщины чаще, чем городские, – к самоповешению – 73,7 и 48,7 % соответственно ($p < 0,05$).

Доля лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, в группе городских суицидентов составила 51,2 %, в группе сельских жителей – 62,4 % ($p > 0,05$).

Обнаружено, что ведущая роль в формировании суицидального поведения лиц, живущих как в городе, так и в селе, принадлежала реальным конфликтам – 93,0 % ($p < 0,01$). Интенционные характеристики завершенных суицидов были следующие: основной сферой суицидогенных конфликтов оказалась личностно-семейная (60,5 %) ($p < 0,01$), наиболее часто выявляемыми категориями личностного смысла были протест (34,9 %) и призыв (31,2 %) ($p < 0,01$). Продолжительность пресуицидального периода наиболее часто составляла от нескольких часов до суток (39,1 %) ($p < 0,05$).

Соматическая патология встречалась в 50,8 % случаев завершенных суицидов, совершенных в Иркутске. Достоверно чаще соматическими заболеваниями страдали женщины-суицидентки ($p < 0,001$). Наибольшая доля суицидентов с соматической патологией приходилась на возраст 70 лет и старше ($p > 0,05$). В структу-

ре сопутствующих расстройств наиболее часто встречались заболевания сердечно-сосудистой системы ($p < 0,001$).

Больные, страдающие психическими расстройствами, традиционно относятся к группе повышенного риска суицидального поведения. Изучение группы психически больных ($n=61$, 36 мужчин и 25 женщин), находящихся под наблюдением психиатров, совершивших завершённые суициды в Иркутске в 2005–2007 гг. показало, что средний возраст психически больных, совершивших суицид, оказался меньшим, чем в группе суицидентов, никогда не обращавшихся за психиатрической помощью ($39,9 \pm 12,4$ года и $45,7 \pm 13,6$ года). Отметим, что психическое заболевание нивелирует половые различия в суицидальном поведении – соотношение мужчин к женщинам составило 1,4:1. Анализ приема алкоголя при совершении завершённых суицидов показал, что 63,9 % суицидентов, никогда не обращавшихся за психиатрической помощью, и 34,4 % суицидентов, состоящих на учете у психиатра, находились в состоянии алкогольного опьянения ($p < 0,001$). Алкогольное опьянение облегчает совершение суицида у лиц, никогда не обращавшихся за психиатрической помощью, но не оказывает такого влияния на суицидальное поведение у психически больных суицидентов. Наибольшее количество суицидов среди психически больных приходится на пациентов, страдающих шизофренией, шизотипическими и бредовыми расстройствами ($p > 0,05$).

Синдромологически состояние психически больных, совершивших завершённые суициды, было следующим. У 42,6 % выявлялись депрессивные синдромы, с несколько меньшей частотой встречались бредовые синдромы – 34,4 % ($p > 0,05$) и психопатоподобные синдромы – 18,1 % ($p < 0,01$). Наименьшее число пациентов имели невротические синдромы – 4,9 % ($p < 0,001$).

Для сопоставления больных, совершивших самоубийство, с популяцией психически больных была набрана контрольная группа ($n=50$). Больные, которые совершили самоубийство, реже госпитализировались в психиатрическую больницу и в дневной стационар на протяжении жизни и в последние 12 месяцев жизни, реже посещали участкового психиатра по сравнению с контрольной группой ($p < 0,05$). Средний возраст начала заболевания отличался лишь в группах больных шизофренией: у пациентов, совершивших суицид, заболевание начиналось в среднем на 4,5 года позже, чем в контрольной группе ($p > 0,05$).

Продолжительность заболевания отличалась только в группе аффективных расстройств: у суицидентов средний срок заболевания был на 3,5 года меньше, чем среди суицидентов контрольной группы ($p > 0,05$).

Длительность диспансерного наблюдения при всех нозологиях была меньшей у психически больных, совершивших суицид, по сравнению с контрольной группой в среднем на 1,5–4 года.

Социально-демографические и клинические характеристики лиц, совершивших суицидальные попытки

С помощью эпидемиологического метода изучена частота покушений на самоубийство в популяции населения Иркутска в 2005–2007 гг. Было зарегистрировано 3 548 суицидальных попыток, что составило 197,2–210,0 на 100 тысяч населения. При сравнении распространенности завершенных суицидов и суицидальных попыток оказалось, что динамика их соотношения составляет 1:5,9–1:7,5 ($p < 0,001$).

Изучение соотношения лиц, совершивших суицидальные попытки в зависимости от пола, показало преобладание женщин (от $p < 0,01$ до $p < 0,001$).

Анализ возрастного аспекта суицидентов выявил наиболее высокие показатели в группе 15–19 лет (от 408,2 до 521,1 на 100 тысяч) ($p < 0,001$). У мужчин стабильно высокие показатели отмечались в возрастной группе 20–29 лет (372,2–424,1 на 100 тысяч) ($p < 0,001$), у женщин – среди девушек 15–19 лет (531,3 – 774,3 на 100 тысяч) ($p < 0,001$).

Как оказалось, наибольшую долю как среди мужчин (43,1–44,3 %), так и среди женщин (34,5–35,7 %), предпринявших суицидальные попытки, составляли лица 20–29 лет ($p < 0,001$).

К группам риска совершения суицидальной попытки можно отнести безработных и рабочих и служащих, среди которых отмечалась наибольшая частота суицидальных попыток. Чаще всего суициденты имели среднеспециальное (от 32,0 до 36,3 %) и неполное среднее (26,2–30,9 %) образование ($p < 0,05$). Лишь 28,5–32,0 % суицидентов состояли в браке, большинство же пациентов не имели собственной семьи ($p < 0,001$).

Лица, совершившие суицидальные попытки, наиболее часто прибегали к отравлению (53,1–61,9 %) ($p < 0,001$). У мужчин доминировали самопорезы (49,9–55,7 %) ($p < 0,001$), у женщин – отравление (72,2–76,7 %) ($p < 0,001$). Мужчины чаще женщин от-

давали предпочтение нанесению колото-резаных ран – 52,1 % против 21,8 % ($p < 0,001$) и повешению – 6,4 % против 1,6 % ($p < 0,001$). Женщины чаще, чем мужчины, использовали такой способ суицида, как отравление – 74,6 % против 38,6 % ($p < 0,001$).

Серьезность суицидальных намерений при суицидальных попытках можно проследить по результатам вызовов бригад ГССМП. Женщины в 2,1–2,9 раза чаще мужчин госпитализировались в токсикологический центр ($p < 0,001$), а также в 1,3–3,0 раза чаще им оказывалась медицинская помощь на месте ($p < 0,001$). Мужчины, совершившим суицидальную попытку, в 1,3–2,1 раза чаще оказывалась помощь в травмпунктах ($p < 0,001$), они в 1,5–4,5 раза чаще госпитализировались в стационары соматического ($p < 0,001$) и психиатрического профиля ($p < 0,001$).

Установлено, что значительное число лиц, предпринявших суицидальную попытку, находились в момент ее совершения в алкогольном опьянении – соответственно 34,0 и 38,8 % (мужчины – 40,9 и 47,5 %; женщины – 26,6 и 31,8 %) ($p < 0,001$).

Проведенное исследование позволило выявить особенности суицидального поведения пациентов, госпитализированных в психиатрический стационар ($n = 463$, 254 мужчин и 209 женщин). В гендерном отношении пациенты с покушениями на самоубийство распределились практически поровну. Подавляющее большинство суицидентов находились в трудоспособном возрасте – 76,2 % ($p < 0,001$), но при этом лишь 28,1 % из них были адаптированы в трудовом отношении ($p < 0,001$). Группами риска в плане суицидальных попыток являются у женщин возрастная группа 15–19 лет, у мужчин – 20–29 лет. Большинство пациентов оказались дезадаптированными в семейном плане, из них лишь 36,0 % состояли в браке ($p < 0,001$).

В большинстве случаев у лиц, совершивших суицидальные попытки (74,1 %), формированию собственно суицидального поведения предшествовал отчетливый досуицидальный период ($p < 0,001$). При анализе суицидальных реакций (Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А., 1980) выявлено, что наиболее часто встречалась реакция, вызванная негативными интерперсональными отношениями (36,5 %) ($p < 0,001$).

Наиболее распространенными мотивами суицидального поведения были призыв и протест, т. е. в основе совершаемых поступков чаще всего было желание каким-либо способом изменить кризисную ситуацию или изменить к ней отношение, а не

собственно желание уйти из жизни ($p < 0,001$). Ведущей сферой суицидального конфликта оказалась лично-семейная – 65,0 % ($p < 0,001$).

Синдромологически у 43,6 % обследованных выявлялись психопатоподобные состояния, реже – депрессивные (28,9 %) ($p < 0,001$), психотические (18,2 %) ($p < 0,001$) и невротические (9,3 %) ($p < 0,001$) синдромы.

Анализ клинико-нозологической структуры психических расстройств у парасуицидентов показал, что наиболее часто у пациентов обнаруживались органические психические расстройства различного генеза, шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства – по 22,2 % ($p > 0,05$). Второе место по частоте занимает группа невротических, связанных со стрессом и соматоформных расстройств (18,2 %). Далее следовали группы парасуицидентов с расстройствами личности (13,0 %) и расстройствами настроения (10,8 %).

Нозологические закономерности в зависимости от половой принадлежности суицидентов оказались следующими. У мужчин преобладали больные с органическим поражением головного мозга (28,4 %) и шизофренией (23,2 %) ($p > 0,05$); среди женщин чаще обнаруживались аффективные расстройства (21,5 %) и шизофрения (21,1 %) ($p > 0,05$).

Обнаружено, что в 40,6 % случаев пациенты, госпитализированные в психиатрический стационар, совершили парасуицид повторно или многократно.

Три четверти суицидентов (74,7 %) впервые попали в поле зрения психиатров, 3,2 % уже проходили лечебно-консультативное лечение, 22,0 % находились под диспансерным наблюдением.

Отягощение семейного анамнеза пациентов наличием психических заболеваний наблюдалось в 39,5 % случаев (у 35,8 % мужчин и у 44,0 % женщин).

Более половины мужчин (55,5 %) и более трети женщин (35,4 %), госпитализированных в психиатрический стационар, находились в момент совершения суицидальной попытки в состоянии алкогольного опьянения ($p < 0,05$).

Анализ способов суицидальной попытки выявил преобладание нанесения суицидентами телесных повреждений в виде колото-резаных ран (32,6 %). Несколько реже встретились отравление – 27,6 % ($p > 0,05$), самоповешение – 19,7 % ($p > 0,05$), падение с высоты – 9,7 % ($p < 0,001$). Отравление при суицидальных

попытках чаще наблюдалось у женщин – 37,8 % ($p < 0,001$), у мужчин наиболее распространенными способами были повешение – 26,4 % ($p < 0,001$) и нанесение колото-резаных ран – 36,6 % ($p = 0,05$), т. е. мужчинами выбирались более травматичные способы совершения суицидов.

Как известно, повторение суицидальных попыток является одним из наиболее важных предикторов законченных суицидов (Gaynes B. N., West S. L. et al., 2004). В связи с этим нами была предпринята попытка на основе комплексного клинико-психопатологического и социально-демографического исследования лиц, совершивших первичные ($n = 100$) и повторные ($n = 75$) суицидальные действия, выявить предикторы рецидивирования суицидальных попыток.

Проведенное исследование подтвердило полифакторную природу суицидального поведения, в том числе и повторного, позволило выявить статистически значимые отличия групп пациентов с первичной и повторными суицидальными попытками по следующим факторам: возраст совершения первой суицидальной попытки ($p < 0,001$), психиатрический диагноз ($p < 0,05$), частота госпитализаций в психиатрический стационар, наличие тяжелой соматической патологии ($p < 0,001$), злоупотребление психоактивными веществами в анамнезе ($p < 0,01$), отклоняющееся поведение в анамнезе ($p < 0,01$), деструктивные формы семейного взаимодействия в детстве ($p < 0,05$), тип аффекта после реализации суицидальной попытки ($p < 0,01—0,05$). Методом дискриминантного анализа были выделены прогностически значимые факторы риска повторения суицидальных попыток: возраст совершения первой суицидальной попытки до 30 лет, наличие психической патологии более серьезного регистра, деструктивные формы семейного взаимодействия в детстве, злоупотребление психоактивными веществами в анамнезе, тяжелая соматическая патология.

С целью выявления психологических предикторов рецидивирования суицидальных попыток была сформирована выборка из 60 человек, совершивших суицидальные попытки и госпитализированных по этому поводу в психиатрический стационар.

Для выявления особенностей социально-психологической адаптации суицидентов в нашем исследовании использовалась методика «Опросник социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонда (1954).

В дальнейшем пациенты были условно разделены на 3 группы. В 1-ю группу (n=30) вошли пациенты с единственной суицидальной попыткой. 2-ю группу (n=30) составили пациенты с повторными суицидальными попытками. 3-я группа (n=60) включала психически здоровых лиц (контроль). В сравнении с контролем оказалось, что в группах суицидентов выявлена социально-психологическая дезадаптация ($p<0,05$), наибольшая дезадаптивность отмечается в группе респондентов с повторным суицидом и характеризуется сниженными уровнями самопринятия (аутоагрессия) ($p<0,05$) и принятия других (гетероагрессия) и эмоциональным дискомфортом.

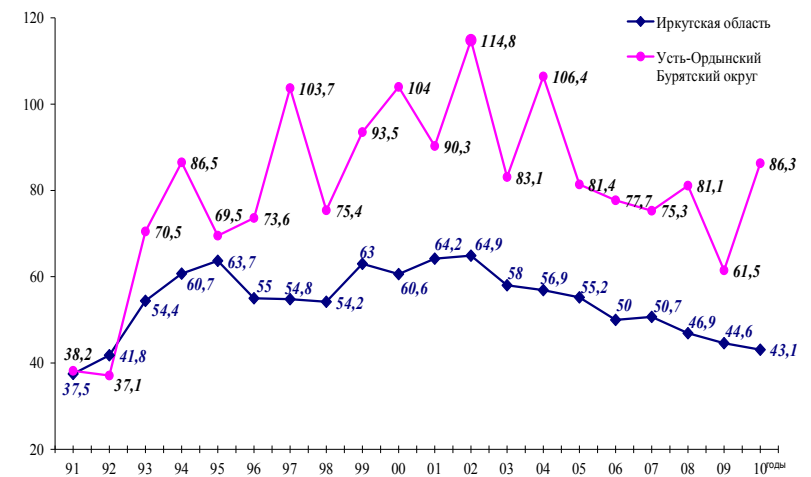
С целью оценки уровня депрессии на материале нашей исследовательской выборки была использована шкала депрессии Бека (1961). Сравнение значений средних показателей по уровню депрессии в обеих группах пациентов достоверной разницы не выявило. Наибольший интерес представляют те суициденты, которые имеют высокий уровень депрессии. Для получения дополнительной информации было проведено исследование по выявлению суицидальных мыслей и желаний. По результатам его проведения обнаружено, что у суицидентов обеих групп, имеющих тяжелую депрессию, отмечено наличие не только суицидальных мыслей, но и устойчивых желаний повторить суицидальную попытку.

Для оценки актуальных суицидальных намерений пациентов была использована «Шкала суицидальных мыслей» (1979). Сравнение показателей шкалы SSI проводилось в группах пациентов с первичной суицидальной попыткой и с повторным суицидом. Выявлено, что суициденты с повторными суицидальными попытками высказывали большую уверенность в своей решительности и компетентности при совершении суицидальной попытки ($p<0,01$), у них чаще отмечали возможность в плане совершения суицида и большую доступность метода ($p<0,01$).

Полученные результаты необходимо учитывать при разработке программ по оказанию комплексной специализированной суицидологической помощи, осуществляемой в условиях общесоматических и психиатрических лечебных учреждений.

Клинические, социально-демографические и этнокультуральные особенности суицидального поведения населения Усть-Ордынского Бурятского округа

Усть-Ордынский Бурятский округ (УОБО) входит в число территорий России со сверхвысоким уровнем суицидов (Гладышев М. В., 2006; Положий Б. С., 2006). За последние 20 лет частота самоубийств в УОБО возросла еще более – с 33,8 на 100 тысяч в 1991 г. до 86,3 на 100 тысяч в 2010 г. ($p<0,001$) (рис. 2).

Рис. 2. Динамика частоты суицидов в Иркутской области и Усть-Ордынском Бурятском округе (на 100 тысяч населения)

Изучение распространенности законченных суицидов среди населения УОБО за 2005—2009 гг. (n=505, 420 мужчин и 85 женщин) показало сверхвысокий уровень данного показателя в 6 районах округа. Показатель частоты завершенных суицидов в УОБО превысил областной показатель в 1,4—1,7 раза ($p<0,001$). Соотношение женских и мужских завершенных суицидов составило 1:4,4 и 1:8,0 ($p<0,001$).

Установлено, что наиболее уязвимой возрастной группой, как у мужчин, так и у женщин, совершивших самоубийства, являлась молодежь 20—29 лет. Самые высокие показатели завершенных суицидов наблюдаются у мужчин 20—29 лет (139,2—303,3 на 100 тысяч) ($p<0,05$). Выявлено снижение количества суицидов за

5 лет в большинстве возрастных групп трудоспособного возраста: у мужчин (20—59 лет) – в 1,3—2,1 раза и увеличение в 1,9—2 раза – в старших возрастных группах мужчин (с 60 лет и старше) ($p < 0,001$). У женщин снижение количества суицидов наблюдается в возрастных интервалах 15—29 лет и 40—49 лет и увеличение показателей суицидов в 2,1—3,2 раза в 30—39 лет и 50—59 лет ($p < 0,001$).

Сложившаяся неблагополучная суицидологическая ситуация в Усть-Ордынском Бурятском округе привлекла наше внимание к изучению этнокультуральных аспектов распространенности завершённых суицидов в данной административной территории, национальный состав которой включает бурятскую и славянские (преимущественно русские) этнические группы и разработке на основе полученных данных мер превентивного характера.

За 2002—2007 гг. на территории УОБО было зарегистрировано 724 случая (609 мужчин и 115 женщин) самоубийств, суициденты бурятской национальности составляли 46,0 %, славяне – 50,6 %, число лиц других национальностей было минимальным (3,4 %).

Установлен сверхвысокий уровень распространенности завершённых суицидов в УОБО. Среднегодовой показатель частоты завершённых суицидов на 100 тысяч населения у лиц бурятской национальности составил 105,0; у славян – 85,8 ($p = 0,19$).

Распространённость суицидов у лиц бурятской национальности превышала аналогичные показатели у славян в 1,2—1,4 раза ($p = 0,01—0,3$). За анализируемый период частота суицидов у бурят уменьшилась в 1,7 раза ($p < 0,001$) (мужчины – в 1,7 раза, женщины – в 1,8 раза), у славян – в 1,4 раза ($p < 0,05$) (мужчины – в 1,5 раза, у женщин показатели оставались стабильными).

Максимальные показатели распространенности завершённых суицидов в обеих субпопуляциях наблюдались в возрастном интервале 20—29 лет. В возрастной категории 10—59 лет уровень суицидов у бурят превышал в 1,2—1,5 раза показатели славян, а начиная с 60 лет суициды у славян встречались в 1,3—2,2 раза чаще, чем у бурят.

Самый высокий уровень распространённости суицидов зарегистрирован среди мужчин бурятской национальности – 184,3 на 100 тысяч населения, что в 1,9 раза больше, чем среди мужчин Иркутской области ($p < 0,01$), и в 1,3 раза больше, чем среди славянских мужчин УОБО (144,5 на 100 тысяч) ($p < 0,05$). Уровни завершённых суицидов бурятских и славянских женщин не имели отличий.

В структурном отношении наибольшую долю суицидентов составляли лица в возрасте 20—29 лет (буряты – 27,0 % и славяне – 24,6 %) ($p > 0,05$).

Большинство суицидентов в обеих этнических группах имели среднее и среднеспециальное образование ($p < 0,001$). Статистически достоверно среди бурят чаще встречались лица со средним образованием ($p < 0,05$), а среди славян – с начальным ($p < 0,05$). Подавляющее большинство суицидентов УОБО обеих этнических субпопуляций являлись лицами трудоспособного возраста ($p < 0,001$), но лишь 26,9 % были адаптированы в трудовом отношении ($p < 0,001$). Более половины лиц, совершивших самоубийство, обеих этнических групп были одиноки (55,7 %) ($p < 0,001$).

Сравнение способов суицидов среди суицидентов славянских и бурятской национальностей показало, что подавляющее большинство суицидентов, вне зависимости от пола, выбрали самоповешение ($p < 0,001$): у славян – 94,5 % случаев, у бурят – 97,9 %.

Наибольшее число суицидентов обеих национальностей совершали суициды дома – 68,7 % славян и 64,1 % бурят ($p < 0,001$).

Статистически достоверное ($p < 0,001$) увеличение суицидальной активности наблюдалось у лиц обеих национальностей летом, а среди лиц бурятской национальности и в весенний период ($p < 0,05$).

В обеих этнических группах населения УОБО большинство лиц, совершивших завершённый суицид, в момент совершения самоубийства находились в состоянии алкогольного опьянения – 63,9 % (62,0 % славян и 66,2 % бурят) ($p > 0,05$).

Ведущая роль в возникновении суицидального поведения принадлежала реальным конфликтам ($p < 0,001$). Наибольшее число суицидогенных конфликтов у лиц обеих этнических групп принадлежало к личностно-семейной сфере ($p < 0,001$). У лиц бурятской национальности чаще, чем у славян, встречалась категория отказа от жизни ($p < 0,05$). Продолжительность пресуицидального периода не отличалась в сравниваемых группах; чаще всего пресуицид продолжался от нескольких часов до нескольких суток ($p < 0,05$).

С помощью эпидемиологического метода изучена частота покушений на самоубийство среди населения УОБО за 2005—2007 гг. За анализируемый период было зарегистрировано 596 суицидальных попыток (мужчины – 332, женщины – 264), что составило 139,0; 146,4 и 159,3 на 100 тысяч населения.

Динамика соотношения распространенности завершенных суицидов и суицидальных попыток за 3 года представлена показателями 1:1,7; 1:1,9; 1:2,1, что отличается от соотношения аналогичных показателей среди жителей Иркутска (1:5,9; 1:6,6; 1:7,5). Данный факт свидетельствует о более серьезных намерениях расстаться с жизнью среди жителей УОБО, подтвержденных более высоким числом суицидальных попыток, доведенных до конца.

Соотношение числа суицидальных попыток, совершенных мужчинами и женщинами, также отличалось от общепринятого и составляло 1,2:1—1,5:1. За анализируемый период распространенность суицидальных попыток среди мужчин УОБО увеличилась в 1,3 раза ($p=0,03$) при постоянстве аналогичных показателей у женщин. Уровень суицидальных попыток населения УОБО за 3 года увеличился с 139,0 на 100 тысяч до 159,3 на 100 тысяч ($p=0,09$).

Наиболее уязвимой возрастной группой, предпринявшей суицидальные попытки, являлась молодежь 20—29 лет, как у мужчин, так и у женщин УОБО ($p<0,001$). Самый высокий показатель суицидальных попыток отмечается у мужчин 20—29 лет (477,1 и 516,0 на 100 тысяч) ($p<0,001$).

Как среди мужчин, так и среди женщин лидерами в возрастной структуре были лица в возрасте 20—29 лет ($p<0,001—0,1$). Большинство лиц, совершивших покушение на самоубийство, составили лица трудоспособного возраста (88,8 и 90,9 %) ($p<0,001$).

Для более подробного изучения этнокультуральных особенностей суицидального поведения была проанализирована выборка ($n=596$, 332 мужчины и 264 женщины), включающая лиц славянской ($n=395$) и бурятской ($n=201$) субпопуляций УОБО, совершивших суицидальные попытки в 2005—2007 гг.

Наиболее высокий уровень суицидальных попыток установлен среди лиц славянских национальностей (180,5 на 100 тысяч населения). Частота суицидальных попыток в славянской субпопуляции оказалась в 1,4 раза выше, чем у бурят (124,6 на 100 тысяч) ($p<0,01$).

Среди бурятской субпопуляции за 3 года количество суицидальных попыток возросло в 1,5 раза (с 98,5 до 149,9 на 100 тысяч) ($p<0,01$) на фоне стабильных показателей у славян. Соотношение показателей частоты суицидальных попыток в славянской и бурятской субпопуляциях УОБО колебалось от 1,8:1 до 1,2:1.

Частота суицидальных попыток среди мужчин бурятской национальности за анализируемый период возросла в 1,7 раза (с 112,0 до 191,2 на 100 тысяч) ($p<0,001$), у женщин бурятской национальности – в 1,3 раза (с 86,1 до 111,8 на 100 тысяч) ($p=0,07$), в славянских мужской и женской популяциях количество суицидальных попыток оставалось стабильным.

Зафиксировано, что максимум покушений на самоубийство как среди бурят, так и среди славян наблюдался в возрастном интервале 20—29 лет – 407,5 на 100 тысяч ($p<0,001$) и 484,3 на 100 тысяч ($p<0,001$) соответственно.

Распространенность суицидальных попыток в славянской субпопуляции превышает таковую у бурят в 1,2—1,9 раза, достигая в группах 15—49 лет и 60—69 лет ($p<0,01$) статистически значимых отличий.

Самый высокий уровень распространенности суицидальных попыток зарегистрирован среди славянских мужчин – 204,1 на 100 тысяч населения, что в 1,3 раза больше, чем среди мужчин-бурят УОБАО (154,7 на 100 тысяч) ($p=0,01$). Распространенность покушений на самоубийства у славянских мужчин превышала таковую у бурят в возрастном интервале 15—69 лет в 1,3—3,3 раза, а в возрасте 70 лет и старше суицидальные попытки чаще совершали бурятские мужчины ($p=0,07$).

Частота суицидальных попыток среди женщин славянской субпопуляции УОБО (159,2 на 100 тысяч) также превышала аналогичные показатели бурятских женщин (96,7 на 100 тысяч) ($p<0,001$). В возрастном интервале 10—59 лет незавершенные суициды в 1,3—2,4 раза чаще наблюдались у женщин славянской этнической группы, а в интервале 70 лет и старше суицидальные попытки отмечались только среди женщин славянских национальностей ($p<0,001$).

Максимальная доля лиц, совершивших суицидальные попытки, в обеих этнических группах приходилась на возраст 20—29 лет ($p<0,001$). Образовательный уровень лиц, предпринявших суицидальные попытки, в обеих субпопуляциях не имел отличий. Как среди славян, так и среди бурят большинство ($p<0,001$) имели среднеспециальное и среднее образование – 64,7 %.

Лишь 28,4 % лиц, предпринявших суицидальные попытки, были адаптированы в трудовом отношении, хотя большинство находилось в трудоспособном возрасте. Подавляющее число лиц, совершивших покушение на самоубийство, были одиноки (61,8 %) ($p<0,001$).

Большинство суицидентов обеих этнических групп независимо от пола использовали такой способ суицидальных действий, как отравление (буряты – 50,7 %, славяне – 53,9 %) ($p < 0,001$). Чаще всего, независимо от национальности, суицидальные попытки предпринимались в местах, скрытых от посторонних лиц ($p < 0,001$).

Сравнение сезонного распределения суицидальных попыток у лиц бурятской и славянских национальностей показало преобладание их у бурят летом ($p < 0,05$), а у славян – весной ($p > 0,1$).

Ведущая роль в возникновении суицидального поведения принадлежала реальным конфликтам ($p < 0,001$). Наибольшее число суицидогенных конфликтов у лиц обеих этнических групп принадлежало к личностно-семейной сфере ($p < 0,001$). У лиц бурятской национальности чаще, чем у славян встречались категории отказа от жизни и избегания наказания ($p < 0,05$). Продолжительность пресуицидального периода не отличалась в сравниваемых группах; чаще всего пресуицид продолжался от нескольких часов до нескольких суток ($p < 0,05$).

Проведенный анализ клинических, социально-демографических и этнокультуральных особенностей суицидальных попыток лиц славянских и бурятской национальностей УОБО за 2005—2007 гг., госпитализированных в психиатрические стационары лечебных учреждений Усть-Ордынского Бурятского округа, показал следующее. Максимальные доли суицидальных попыток, как среди лиц бурятской, так и славянских субпопуляций, госпитализированных в психиатрический стационар, наблюдались в возрастном интервале 20—29 лет. Доля женщин, совершивших суицидальные попытки, превышала аналогичный показатель мужчин в 2 раза, независимо от национальности суицидентов ($p < 0,001$).

Славянские мужчины одинаково часто выбирали повешение и отравление – 42,9 и 40,0 % ($p < 0,05$). Бурятские мужчины чаще всего использовали нанесение колото-резаных ранений – 42,9 % ($p > 0,05$). Независимо от национальности, женщины чаще всего прибегали к отравлению ($p < 0,001$). Славянские мужчины достоверно чаще бурят использовали такой способ, как повешение ($p < 0,01$), а буряты чаще славян – нанесение колото-резаных ран ($p < 0,001$).

Отягощенность семейного анамнеза психическими заболеваниями выявлялась у 29,3 %, статистически значимых отличий по этому показателю у бурят и славян не выявлено.

Наиболее часто, независимо от национальности, длительность психического заболевания до момента совершения суицидальной попытки составляла более 5 лет ($p < 0,001$ — $p < 0,01$). При сравнении лиц славянских и бурятской национальностей более ощутимая разница наблюдается в доли суицидентов с длительностью заболевания к моменту совершения суицидальной попытки до 1 месяца: у славян – 23,5 % против 12,3 % бурят ($p = 0,11$). Этот факт можно объяснить большим числом лиц славянских национальностей, обнаруживающих реакции на тяжелый стресс и нарушение адаптации.

Более трети пациентов славянских национальностей, совершивших суицидальные попытки, в анамнезе уже имели суицидальные действия – 36,3 %, среди лиц бурятской национальности таких лиц было 26,2 % ($p = 0,23$).

В состоянии алкогольного опьянения на момент совершения суицидальной попытки находились 27,5 % славян против 16,9 % бурят ($p = 0,16$), что уступает доли лиц, предпринявших суицидальные попытки в состоянии алкогольного опьянения в общей популяции населения УОБО – 41,0 % славян ($p < 0,05$) и 41,3 % бурят ($p < 0,001$).

Сравнение клинической структуры психических расстройств среди совершивших суицидальные попытки и госпитализированных в психиатрический стационар пациентов славянских и бурятской национальностей показало ряд отличий: удельный вес реакций на тяжелый стресс и расстройств адаптации оказался большим у славян в 3 раза – 32,4 % против 10,8 % ($p = 0,003$), а доля психических расстройств и расстройств поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ, чаще наблюдалась у бурят – 12,3 % против 2,0 % ($p = 0,016$).

Наблюдалась равная представленность у славян психопатоподобного (41,2 %) и депрессивного (39,2 %) синдромов, реже встречались депрессивно-параноидный – 8,8 % ($p < 0,001$) и невротический – 10,8 % ($p < 0,001$) синдромы. У бурят преобладал депрессивный синдром – 46,2 %, реже встречались психопатоподобный – 33,8 % ($p = 0,21$), депрессивно-параноидный – 12,3 % ($p < 0,001$), невротический – 7,7 % ($p < 0,001$). Статистически достоверной разницы в представленности какого-либо синдрома в зависимости от национальности суицидентов не выявлено.

Наиболее часто встречающимися категориями суицидального поведения у лиц, предпринявших суицидальные попытки и госпитализированных в стационар, независимо от национальности,

являлись протест и призыв. У лиц бурятской национальности чаще, чем у славян, встречались неагрессивные формы мотиваций (избегание, отказ) ($p>0,05$).

Показано, что достоверно чаще у славян встречался пресуицид, имевший продолжительность от нескольких часов до 1 суток ($p<0,05$), а у бурят по сравнению со славянами чаще продолжительность пресуицида колебалась от нескольких месяцев до 1 года ($p=0,016$), т. е. у пациентов бурятской национальности суицидальные действия были более продуманными и подготовленными.

Приведённые выше результаты свидетельствуют о более высокой суицидальной активности в бурятской субпопуляции, что может быть связано с некоторыми этнокультуральными особенностями бурят, играющими роль в формировании их суицидального поведения.

Первой особенностью являются вопросы религиозной морали. Основной религией у бурят остался шаманизм, главная черта которого – обожествление сил природы, вера в то, что после смерти душа переносится в иной мир, где жизнь продолжается. Такие взгляды значительно уменьшают страх перед смертью, человек готов к таким «перемещениям».

Ещё одной национальной религией бурят является буддизм (ламаизм), буддистские воззрения считают суицид вполне допустимым, не противоречащим основам религиозной морали поступком.

Следующим аспектом является то, что два основных национально-этнических образования – буряты и русские – живут не отдельной жизнью, а интегрированы в единую государственную систему, что в конкретно исторических условиях привело к неизбежной русификации бурятской нации, потере традиционных религиозно-культурных корней, изменению формировавшихся веками нравственно-этических норм поведения и духовных ценностей.

В последние 10—15 лет на эти негативные процессы оказали влияние отрицательные социально-экономические показатели развития УОБАО. Округ является слаборазвитым, высокодотационным регионом с «аграрно-бюджетной» экономикой, очень низкими доходами населения (ниже прожиточного минимума) и высоким уровнем бедности: среднедушевые денежные доходы населения УОБО ниже прожиточного минимума, он является беднейшим регионом РФ.

Особенности суицидального поведения детей и подростков Иркутской области

За 1991—2009 гг. на территории Иркутской области было зарегистрировано 2 082 случая самоубийств детей и подростков, из них на возраст 5—9 лет приходилось 0,6 % детей, на 10—14 лет – 13,1 %, на 15—19 лет – 86,3 % ($p<0,001$). Лицами мужского пола было совершено 81 % суицидов, женского пола – 19 %.

Анализ динамики завершённых суицидов детей в возрастной группе 10—14 лет показал, что начиная с 1991 г. (3,7 на 100 тысяч населения) наблюдается рост частоты самоубийств (максимум в 2003 г. – 11 случаев на 100 тысяч) ($p>0,05$). За 19 лет завершённые суициды по области в возрасте 10—14 лет увеличилось в 1,4 раза (темп прироста – 40,5 %) ($p>0,5$). Анализ половых различий показывает, что соотношение самоубийств у мальчиков и девочек колебалось от 1,2:1 до 12,6:1.

У мальчиков произошло увеличение завершённых суицидов в 1,3 раза (темп прироста составляет 29,8 %) ($p>0,5$), у девочек уровень суицидов в 2009 г. (1,5 на 100 тысяч) достиг показателя 1991 г. (1,7 случая на 100 тысяч) ($p>0,5$).

Анализ суицидов детей в городской и сельской местности Иркутской области показывает, что сельские суициды детей превышали аналогичные показатели городских детей от 1,3:1 до 5:1, исключение составили 1995—1996 гг. и 2006 г., когда городские суициды детей превышали сельские – в 1,1—5 раз.

В сельской местности суициды детей к 2009 г. (5,9 на 100 тысяч) имели показатель, практически равный уровню суицидов в 1991 г. (5,8 случая на 100 тысяч). Уровень суицидов городских детей за 19 лет увеличился в 1,3 раза (темп прироста составляет 28,1 %) ($p>0,5$).

Изучение динамики завершённых суицидов подростков Иркутской области свидетельствует о том, что за 19 лет количество завершённых суицидов среди подростков увеличилось в 1,7 раза (с 25,8 до 43,6 на 100 тысяч) (темп прироста составляет 69 %) ($p=0,05$).

Соотношение законченных суицидов среди подростков мужского и женского полов колебалось от 3,1:1 до 5,9:1 ($p<0,001$). У подростков мужского пола число суицидов увеличилось в 1,7 раза (темп прироста – 67 %) ($p=0,01$), у девушек 15—19 лет – возросло в 1,8 раза (темп прироста – 82 %) ($p<0,001$).

Анализ суицидов подростков в городской и сельской популяциях Иркутской области показал, что с 1993 г. сельские подростки стабильно чаще совершали суициды, чем их городские сверстники. Соотношение городских суицидов подростков к сельским за анализируемый период варьировало от 1:1,1 до 1:3,4.

Количество суицидов сельских подростков за 19 лет возросло с 18,8 случая до 70,4 на 100 тысяч, т. е. их уровень увеличился в 3,7 раза (темп прироста – 374 %) ($p < 0,001$). Уровень суицидов городских подростков за анализируемый период повышался в 1,2 раза: с 27,5 до 34,1 на 100 тысяч (темп прироста – 24 %) ($p = 0,44$).

Анализ социально-демографических и клинических характеристик детей и подростков, совершивших завершённые суициды, показал следующее. На первом месте в контингенте суицидентов находились лица, нигде не работающие и нигде не учащиеся – 41,6 % ($p < 0,001$). Подавляющее большинство детей и подростков на момент совершения ими самоубийства жили дома с родителями (82,5 %) ($p < 0,001$). Деструктивные формы семейного взаимодействия обнаружены у 51,8 % суицидентов. Отягощённость семейного анамнеза психическими заболеваниями выявлена у 27,1 % детей и подростков, совершивших суициды. В структуре психической патологии, имевшей место у ближайших родственников покончивших с собой детей и подростков, наиболее часто встречалась алкогольная зависимость (74,4 %) ($p < 0,001$). Воспитание в родительских семьях суицидентов являлось патологическим в 89,2 % случаев, наиболее часто встречались авторитарный тип воспитания (51,2 %) и гипоопека (23,5 %) ($p < 0,001$). Различные проявления девиантного поведения наблюдались у 31,9 % пациентов. В структуре психических расстройств, зарегистрированных на момент совершения суицида детей и подростков, чаще всего встретились умственная отсталость и злоупотребление психоактивными веществами (по 30,4 %) ($p < 0,001$). Ведущую роль при совершении завершённых суицидов играли семейные конфликты ($p < 0,05$). Суицидальное поведение по типу «протеста» наблюдалось в 50,6 %, «призыва» – в 37,3 % случаев. Подавляющее число суицидентов предпочли повешение (89,2 %) ($p < 0,001$). Изучение сезонного распределения частоты самоубийств показало, что большинство суицидов дети и подростки предпринимали летом (32,6 %) либо весной (30,7 %) ($p > 0,05$).

С помощью эпидемиологического метода изучена частота покушений на самоубийство среди детей ($n=76$) и подростков ($n=757$) Иркутска за период 2006—2009 гг. Дети в возрасте 10—14 лет, совершившие суицидальные попытки, составили 9,1 %, подростки 15—19 лет – 90,9 % ($p < 0,001$).

Анализ 4-летней динамики частоты суицидальных попыток детей показал, что у мальчиков этот показатель снизился с 66,5 до 44,0 на 100 тысяч ($p < 0,05$), а у девочек данный показатель, напротив, вырос с 84,1 до 115,9 на 100 тысяч ($p < 0,05$). Среднегодовой показатель частоты суицидальных попыток девочек превышал аналогичный показатель мальчиков в 2 раза ($p < 0,001$).

Частота суицидальных попыток подростков за 4 года возросла с 440,2 до 500,2 на 100 тысяч населения ($p = 0,05$): у девушек этот показатель увеличился с 576,0 до 669,7 на 100 тысяч ($p = 0,01$), а у юношей он оставался стабильным – 306,9 и 329,3 на 100 тысяч). Среднегодовой показатель частоты суицидальных попыток девушек превышал аналогичный показатель юношей в 2 раза ($p < 0,001$).

Выявлено, что соотношение числа суицидальных попыток детей 10—14 лет и подростков 15—19 лет колебалось от 1:5,9 до 1:8,5 ($p < 0,001$). Это согласуется с точкой зрения многих исследователей об учащении суицидального поведения детей и подростков с возрастом (Иовчук Н. М., 1999; Glerget S. et al., 1997; Freeman D. G., 1998). При сравнении распространённости завершённых суицидов и суицидальных попыток детей и подростков оказалось, что динамика их соотношения представлена от 1:19,8 до 1:50,2 ($p < 0,001$).

Покушения на самоубийство чаще совершали лица женского пола: среди детей 10—14 лет – в 1,3—3,7 раза ($p < 0,001$), среди подростков – в 1,8—2,1 раза ($p < 0,001$).

По социальному положению дети и подростки, совершившие суицидальные попытки, распределились следующим образом: на первом месте находились лица, нигде не учащиеся и не работающие (от 35,0 до 38,3 %), затем учащиеся школ (20,1—23,4 %) ($p = 0,027$) и средних специальных учебных заведений (18,0—22,9 %) ($p = 0,01$).

Изучение способов покушений на самоубийство показало, что дети и подростки, совершившие суицидальные попытки в 2006—2009 гг., наиболее часто прибегали к отравлению (60,3—64,5 %) и самопорезам (31,0—35,5 %) ($p < 0,001$). У лиц мужского пола

доминировали самопорезы (51,4—61,5 %) ($p<0,001$), девушки и девочки чаще всего прибегали к отравлению медикаментозными средствами (72,9—78,0 %) ($p<0,001$).

Серьезность суицидальных намерений при суицидальных попытках детей и подростков Иркутска можно проследить по результатам вызовов бригад ГССМП. В большинстве случаев требовалась токсикологическая помощь (33,0—41,0 %) и госпитализация детей и подростков в соматические стационары (16,5—21,1 %) ($p<0,01$). В психиатрические стационары были госпитализированы от 2,0 до 3,8 % суицидентов.

Деструктивные формы семейного взаимодействия (отсутствие матери или отца в связи со смертью, развод родителей, алкоголизация одного или обоих родителей, неоднократное физическое насилие со стороны родителей, отвергающее безразличие со стороны близких) были выявлены в 65,2 % случаев. Наличие психологических проблем в родительской семье в 28,3 % случаев сочеталось с отклоняющимся поведением (раннее знакомство с алкоголем и наркотиками, побеги из дома, реакции группирования со сверстниками).

Изучение особенностей воспитания в родительских семьях суицидентов позволило установить, что в 93,5 % случаев оно являлось патологическим. Наиболее часто при неправильном воспитании встречался авторитарный тип – 54,3 % ($p<0,001$).

Подавляющее большинство суицидентов до совершения покушения на самоубийство не попадали в поле зрения психиатров ($p<0,001$). Лишь у 6,5 % детей и подростков ранее были выявлены те или иные психические расстройства. Клиническое обследование детей и подростков после совершения суицидальной попытки показало следующую картину. Подавляющее большинство всех случаев составили ситуационные реакции (кратковременные и преходящие, аффективно насыщенные реакции на личностно значимые психогении) (31 – 67,4 %) ($p<0,001$).

В большинстве случаев к покушению на самоубийство приводили семейные конфликты (52,2 %), значительно реже с одинаковой частотой суицидальные попытки встречались в связи с конфликтами со сверстниками и любовными конфликтами – по 13,0 % ($p<0,001$).

Продолжительность психотравмирующих ситуаций наиболее часто составляла от нескольких дней до 1 месяца – 58,7 % ($p<0,001$).

Наличие пресуицидального периода у детей и подростков, совершивших суицидальные попытки, было установлено в большинстве случаев – 76,1 % ($p<0,001$). Суицидальное поведение по типу «протеста» наблюдалось в 43,5 % случаев. Суицидальные действия с целью привлечения внимания к ситуации («призыв») встретились у 47,8 %.

Алкогольное опьянение в момент совершения суицидальной попытки было выявлено у 30,4 %, наркотическое опьянение – у 2,2 % детей и подростков.

В большинстве случаев (у 89,1 % детей и подростков) местом покушения на самоубийство служил родительский дом.

Большая часть суицидальных попыток наблюдалась весной (45,7 %) ($p<0,001$). В преобладающем числе случаев дети и подростки предпринимали попытки во второй половине дня (12—18 часов) – 47,9 % ($p<0,001$) или в вечернее время – 39,1 % ($p<0,001$).

Повторное совершение суицидальных попыток имело место у 19,6 % суицидентов, причем 2/3 пациентов с повторными парасуицидами были девушками.

Проведено изучение особенностей суицидальных попыток детей и подростков, госпитализированных в психиатрический стационар ($n=93$, 42 – лица мужского пола и 51 – лица женского пола). Подавляющее большинство пациентов составили подростки 15—19 лет – 74,2 % ($p<0,001$).

Анализ социального статуса суицидентов показал, что большинство пациентов (44,1 %) являлись учащимися школ. Показательно, что около четверти лиц, совершивших покушение на самоубийство, нигде не учились и не работали, вели праздный образ жизни – 23,7 % ($p<0,01$).

Оценка семейного статуса детей и подростков, совершивших суицидальные действия, показала отсутствие семьи у трети пациентов – 30,1 % являлись биологическими или социальными сиротами и находились в детских домах, приютах, социально-реабилитационных центрах. Одним родителем (чаще всего матерью) воспитывались 25,8 % несовершеннолетних. Лишь у четверти детей и подростков, совершивших суицидальные попытки, имелась полная семья (25,8 %).

Установлено, что все дети и подростки, совершившие суицидальные попытки и госпитализированные по этому поводу в психиатрический стационар, страдали той или иной формой психической патологии. Наиболее часто диагностировались эмоцио-

нальные расстройства и расстройства поведения, начинающиеся в детском или подростковом возрасте – 17,2 % ($p>0,05$). Расстройства личности и поведения в зрелом возрасте обнаружены у 16,1 % лиц юношеского (18—19-летнего) возраста ($p>0,05$).

Расстройства настроения зафиксированы в 14,0 % случаев. В клиническом плане в 38,5 % случаев депрессия носила преимущественно тревожный характер, по 30,8 % – тоскливый и апатический варианты. Более чем в половине случаев (61,5 %) в клинической картине депрессивных расстройств у детей и подростков на первый план выступали психопатоподобные нарушения в виде конфликтности, грубости, делинквентного поведения и агрессивности.

Больные шизофренией, шизотипическими и бредовыми расстройствами составили 15,0 %; суициденты с умственной отсталостью – 14,0 %. Органические психические расстройства были выявлены у 12,9 %, невротические и соматоформные – у 10,8 % детей и подростков, совершивших суицидальные попытки.

Злоупотребление психоактивными веществами (алкоголь, опиаты, каннабиноиды) в анамнезе наблюдалось у 49,5 % суицидентов.

Большинство детей и подростков, предпринявших суицидальные действия, ранее в поле зрения психиатров не попадали ($p<0,001$). Лишь у 29,1 % ранее были выявлены те или иные психические расстройства.

Проведенный анализ способов суицидальной попытки выявил примерно равную представленность нанесения колото-резаных ран (34,4 %) и отравлений (33,3 %). У юношей и мальчиков доминировали самопорезы (33,3 %), девушки и девочки чаще всего прибегали к отравлению (39,2 %) ($p<0,001$).

Ведущую роль в покушениях на самоубийство играли семейные психогении (конфликты с родителями – 39,8 %). Из ведущих мотивов суицидального поведения чаще всего встречались «протест» (45,2 %) и «призыв» (34,4 %) ($p=0,148$).

Повторное осуществление суицидальных попыток было зарегистрировано у 46,2 % суицидентов, причем таковые встречались с одинаковой частотой независимо от пола.

Следует констатировать, что в целом полученные результаты свидетельствуют о неблагополучной суицидальной ситуации среди детей и подростков Иркутской области и требуют скорейшего принятия мер по ее улучшению.

Организационно-методические основы оказания помощи лицам с кризисными состояниями в Иркутской области

Диагностика суицидального поведения имеет специфические особенности, например, в зависимости от условий, в которых она проводится (амбулатория, стационар, скорая медицинская помощь), от задач, стоящих перед врачами и другими специалистами, а также от этапа суицидологической помощи.

Ниже представлены догоспитальный и госпитальный этапы суицидологической помощи, оказываемой лицам с кризисными состояниями.

Догоспитальный этап суицидологической помощи в Иркутске

1. *Телефон Доверия.* Число суицидальных абонентов, обращающихся на Телефон Доверия, остается стабильным и колеблется от 3,6 до 4,6 %, большинство из которых составляют женщины (57,1 %). Лица, уже имевшие суицидальные тенденции и обратившиеся в дальнейшем по совету сотрудников ТД Иркутска в кабинет социально-психологической помощи, кабинет суицидолога ПНД либо сделавшие вызов бригады скорой помощи, составляли немногочисленную группу (8—10 %).

2. *Кабинет социально-психологической помощи.* Врач кабинета активно выявляет и проводит лечение лиц с суицидальным поведением и кризисными состояниями, обратившихся на прием, и обеспечивает, при необходимости, своевременную госпитализацию в кризисный стационар ИОПНД или психиатрический стационар согласно районированию. Из общего числа обратившихся в КСПП 14 % пациентов были госпитализированы в кризисный стационар. Кроме того, врачом КСПП проводится активное динамическое наблюдение лиц, выписанных из стационара.

3. *Кабинет суицидолога психоневрологического диспансера.* Врач суицидологического кабинета наблюдает две группы пациентов. Одну группу составляют больные, совершившие суицидальные попытки и не госпитализированные в психиатрический стационар. Другую группу составляют больные, не совершившие попыток самоубийства, но обнаруживающие суицидальные тенденции. При наличии показаний такие больные госпитализируются в психиатрический или кризисный стационар.

4. *Областная поликлиника, городские поликлиники, амбулаторное отделение факультетских клиник медицинского университета, амбулаторные подразделения негосударственных медицинских учреждений.* Лица, направляемые участковыми врачами поликлиник, врачами общей практики для дальнейшего наблюдения и лечения в кабинет социально-психологической помощи (КСПП), кабинет суицидолога или в кризисный стационар, составляют единицы. Это может говорить о слабой выявляемости пациентов с кризисными состояниями, недостаточной настороженности в плане выявления депрессивных, тревожных и других суицидоопасных состояний врачами данных учреждений.

5. *Городские станции скорой медицинской помощи.* Серьезность суицидальных намерений при суицидальных попытках можно проследить по результатам вызовов бригад ГССМП. В большинстве случаев требовалась токсикологическая помощь (32,4 %-36,5 %). В психиатрическую больницу госпитализировалось 7,6 % – 8,4 % пациентов. У мужчин чаще встречались серьезные суицидальные попытки, требующие госпитализации в хирургические, реанимационные, психиатрические отделения.

Госпитальный этап суицидологической помощи в Иркутске

1. *Кризисный стационар.* Данное звено помощи было организовано как структурное подразделение Иркутского областного психоневрологического диспансера. Он предназначен для проведения краткосрочной неотложной помощи людям, которые находятся в состоянии психологического кризиса с повышенным риском возникновения суицидальных тенденций, или уже совершившим суицидальные попытки. Большинство поступивших пациентов направляется врачом кабинета социально-психологической помощи (54—57 %) ($p > 0,05$), несколько меньшее число – врачом суицидологического кабинета либо участковыми психиатрами ИОПНД (41—43 %), в единичных случаях – врачами общесоматических поликлиник (1—2 %).

2. *Неотложную помощь* суициденты Иркутска получают в соматических отделениях многопрофильных стационаров, в том числе в токсикологическом центре МСЧ Иркутского авиазавода. Именно в это учреждение поступает большинство лиц, совершивших суицидальную попытку. В связи с тем, что суициденты

для врачей представляют интерес только в связи с коррекцией соматического состояния, многие из пациентов (27—35 %) при улучшении соматического статуса выписываются в первые сутки лечения, не будучи осмотренными психиатрами или психотерапевтами. Лишь небольшая часть пациентов (7—9 %) после проведения соматического лечения добровольно или в порядке недобровольной госпитализации переводится для продолжения лечения в психиатрический стационар.

3. Многолетний анализ числа пациентов, поступивших в психиатрический стационар в связи с наличием у них суицидоопасных состояний либо после совершения ими суицидальной попытки, показал, что 92—98 % пациентов доставляются бригадой СМП и 2—8 % поступают по направлению ПНД, врача кабинета КСПП либо обращаются самостоятельно. Доля лиц, предпринявших суицидальные попытки, от общего числа пациентов, получающих стационарное лечение в психиатрическом стационаре, составляет 3—4,5 % ежегодно.

Одним из факторов успешной деятельности городской суицидологической службы является разработка и внедрение профилактических и лечебно-реабилитационных программ для пациентов с кризисными состояниями и суицидальным поведением. Программы ориентированы на конкретные клинические проявления больных, находящихся в кризисных состояниях, используют комплекс психологических, психотерапевтических и психиатрических воздействий на личность пациента и его окружение, при этом основным принципом программ является индивидуальный подход.

Первая программа проводится медицинским психологом или психотерапевтом, она оказывается в рамках работы Телефона Доверия либо на амбулаторном приеме в кабинете социально-психологической помощи пациентам, не имеющим проявлений психических расстройств или выявляющим психогенно обусловленные состояния без суицидальных проявлений. Она включает в себя беседы пациента со специалистами, психологическое тестирование и проведение в случае необходимости индивидуальных или групповых психокоррекционных занятий.

Основная цель первой программы – активное формирование личностных установок, мобилизация резервных возможностей психики, предупреждение негативного влияния конкретных факторов риска.

Вторая программа направлена на купирование психогенно обусловленных психических расстройств с наличием суицидальных мыслей и намерений и включает в себя 3 этапа. На первом этапе осуществляется психологическое и психиатрическое консультирование. Второй этап предполагает краткосрочное стационарное лечение в кризисном стационаре с проведением психотерапевтических методик, психологической коррекции, назначением психофармакотерапии. На третьем этапе организовано амбулаторное наблюдение после выписки из стационара в кабинете социально-психологической помощи с последующим продолжением проведения терапии психотропными препаратами, при необходимости проведением семейной психотерапии.

Цель второй программы заключается в поэтапном купировании психических расстройств, сопровождающихся суицидальными проявлениями.

Третья программа антикризисных мероприятий предназначена для пациентов, совершивших суицидальную попытку, и также включает в себя 3 этапа. Первый этап – психологическое, психотерапевтическое консультирование. Второй этап совмещает обязательное стационарное лечение в кризисном или психиатрическом стационаре с проведением адекватного психофармакологического и психотерапевтического лечения. Третий этап предполагает обязательное амбулаторное лечение и наблюдение после выписки из стационара.

Целью третьей программы является предупреждение совершения повторного суицида путем достижения стабильного состояния психики и выработки более высокой степени устойчивости к различного рода психогениям.

ВЫВОДЫ

1. Распространенность суицидального поведения среди населения Иркутской области характеризуется рядом особенностей.

1.1. Отмечается сверхвысокий уровень суицидальной активности населения, в основном за счет взрослого мужского населения. Интенсивный показатель завершенных суицидов составил 43,1 на 100 тысяч населения (с преобладанием среди способов самоубийств повешения, $p < 0,001$), суицидальных попыток – 205,7 на 100 тысяч населения (с превалированием среди способов совершения суицидальных попыток отравления, $p < 0,001$).

1.2. Установлен сверхвысокий уровень суицидальной активности населения Усть-Ордынского Бурятского округа преимущественно за счет взрослого мужского населения. Интенсивный показатель завершенных суицидов составил 86,3 на 100 тысяч населения (с преобладанием случаев повешения, $p < 0,001$), суицидальных попыток – 139,0—159,3 на 100 тысяч населения (с превалированием случаев отравления, $p < 0,001$). Соотношение числа суицидальных попыток, совершенных мужчинами и женщинами УОБО, отличалось от общероссийского показателя (1:4–1:5) и составляло 1,2:1–1,5:1.

1.3. Интенсивные показатели завершенных суицидов среди детей и подростков составили 5,2 и 43,6 на 100 тысяч населения, суицидальных попыток – 68,0 и 473,2 на 100 тысяч населения соответственно. При этом за 1991—2009 гг. наблюдается увеличение показателя завершенных суицидов детей в 1,4 раза ($p > 0,05$), подростков – в 1,7 раза ($p < 0,05$). В качестве методов завершеного суицида и суицидальной попытки чаще выбирались повешение и отравление соответственно ($p < 0,001$).

2. Жители Иркутской области с суицидальным поведением имели особенности социально-демографического профиля.

2.1. Случаи завершеного суицида в 2 раза чаще встречались среди сельского населения по сравнению с проживающими в городе (соответственно $68,8 \pm 5,0$ и $34,6 \pm 1,3$ на 100 тысяч населения, $p < 0,001$). При этом наибольшая частота завершенных суицидов городских жителей отмечалась в возрасте 20—39 лет, а также 70 лет и старше ($p < 0,05$), в то время как среди сельских жителей – в возрасте 20—39 лет ($p < 0,05$). При завершенных суицидах преобладали лица со средним (32,4 %) и незаконченным средним (28,1 %) образованием ($p > 0,05$), безработные (31,1 %) ($p > 0,05$), не состоящие в браке (66,1 %) ($p < 0,001$).

2.2. Наибольшая частота суицидальных попыток наблюдается у мужчин в возрасте 20—29 лет ($p < 0,01$), у женщин в возрасте 15—19 лет ($p < 0,001$). Для лиц, совершивших суицидальные попытки, характерны среднее специальное (36,3 %) и неполное

среднее (30,9 %) образование, социальный статус безработных (48,4 %), в брачном статусе: отсутствие (44,7 %) или наличие (32,0 %) брака ($p < 0,05$).

2.3. Наибольшая частота завершенных суицидов и суицидальных попыток в контингенте населения Усть-Ордынского Бурятского округа приходится на возраст 20—29 лет ($p < 0,001$). При этом среди лиц с суицидальным поведением преобладали лица со средним и средним специальным образованием (65,5 %, $p < 0,001$), безработные (53,8 %, $p < 0,01$) и одинокие (55,7 %, $p < 0,01$).

2.4. Дети и подростки, совершившие завершённые суициды и суицидальные попытки, имели следующие социальные характеристики: статус нигде не обучающихся и не работающих (соответственно 41,6 и 38,3 %) ($p < 0,05$), живущих дома с родителями (соответственно 82,5 и 80,4 %) ($p < 0,001$), наличие деструктивных форм семейного взаимодействия (соответственно 51,8 и 65,2 %), патологические типы семейного воспитания (соответственно 89,2 и 93,5 %) ($p < 0,001$).

3. Лица с психическими расстройствами, совершившие завершённые суициды и суицидальные попытки, имели следующие клинические особенности.

3.1. Суицидальное поведение лиц, совершивших завершённые суициды и суицидальные попытки, характеризовалось следующими интенционными особенностями: в подавляющем большинстве случаев суицидогенный конфликт был обусловлен реальными событиями ($p < 0,001$), чаще психогенная ситуация разворачивалась в личностно-семейной сфере (соответственно 60,5 и 65,0 %) ($p < 0,01$), наиболее частыми категориями личностного смысла были протест и призыв (34,9 и 31,2 %; 29,8 и 34,6 % соответственно), длительность пресуицидального периода составляла от нескольких часов до суток.

3.2. Лица, совершившие завершённые суициды в Иркутской области, характеризовались преобладанием расстройств шизофренического спектра (41,0 %) и органических психических расстройств (26,2 %) ($p < 0,01$), превалированием депрессивного (42,6 %) и бредового (34,4 %) ($p < 0,01$) синдромов, высокой представленностью соматических заболеваний (50,8 %) (чаще сердечно-сосудистых) ($p < 0,001$). К моменту совершения суицида более половины соответствующих лиц находилось в состоянии алкогольного опьянения (51,2 % случаев – среди проживающих в городе, 62,4 % случаев – среди жителей сельской местности).

3.3. В случае суицидальных попыток у лиц, проживающих в Иркутске, преобладали ($p > 0,05$) органические психические расстройства и расстройства шизофренического спектра (по 22,2 %), а также невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства (18,2 %). В качестве ведущего психопатологического синдрома чаще выступали психопатоподобный (43,6 %, $p < 0,001$) и депрессивный (28,9 %, $p < 0,001$) синдромы. Более трети суицидальных попыток было совершено в состоянии алкогольного опьянения.

3.4. В структуре психической патологии детей и подростков, совершивших завершённые суициды, чаще всего встречались умственная отсталость и злоупотребление психоактивными веществами (по 30,4 %) ($p < 0,001$). У детей и подростков, предпринявших суицидальные попытки, наиболее часто наблюдались ситуационные реакции на личностно значимые психогении (67,4 %) ($p < 0,001$). Среди детей и подростков, совершивших завершённые суициды и суицидальные попытки, различные проявления девиантного поведения в анамнезе отмечались в 31,9 и 28,3 % случаев. Алкогольное опьянение при завершённом суициде выявлено в 27,1 % случаев, а при суицидальной попытке – в 30,4 %.

4. Клинико-эпидемиологический анализ выявил следующие этнокультуральные особенности суицидального поведения славянского и бурятского населения Усть-Ордынского Бурятского округа, проживающего в аналогичных климатогеографических и социально-экономических условиях.

4.1. Частота завершённых суицидов в популяции у лиц бурятской национальности (141,7—84,3 на 100 тысяч населения) в 1,2—1,4 раза превышала соответствующие показатели у славян (101,8 – 73,3 на 100 тысяч населения) ($p = 0,01$). При этом частота суицидов у мужчин-бурят (184,3 на 100 тысяч) в 1,3 раза превышала аналогичный показатель у мужчин-славян (144,5 на 100 тысяч) ($p < 0,05$). В то же время отсутствовали статистически значимые различия у бурятских и славянских женщин (соответственно 29,0 и 29,4 на 100 тысяч населения, $p > 0,05$). В состоянии алкогольного опьянения совершалось 63,9 % суицидов ($p < 0,001$).

4.2. Наибольший уровень суицидальных попыток установлен среди лиц славянских национальностей, в 1,4 раза превышающий аналогичный показатель у бурят (180,5 и 124,6 на 100 тысяч населения, $p < 0,01$). Самый высокий уровень распространённо-

сти суицидальных попыток зарегистрирован среди славянских мужчин (204,1 на 100 тысяч населения), что в 1,3 раза больше, чем среди мужчин-бурят УОБО (154,7 на 100 тысяч) ($p=0,01$). Частота суицидальных попыток среди женщин-славянок УОБО (159,2 на 100 тысяч) также превышала аналогичные показатели бурятских женщин (96,7 на 100 тысяч) ($p<0,001$).

4.3. Сравнение нозологической структуры психических расстройств у лиц славянских и бурятской национальностей, совершивших суицидальные попытки и госпитализированных в психиатрический стационар, выявило у славян преобладание более чем в 3 раза реакций на тяжелый стресс и расстройств адаптации (соответственно 32,4 и 10,8 %, $p<0,01$). В то время как у бурят преобладали психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ (соответственно 12,3 и 2,0 %, $p<0,05$).

4.4. У славян, совершивших суицидальную попытку и госпитализированных в психиатрический стационар, наблюдалась примерно одинаковая частота психопатоподобного (41,2 %) и депрессивного (39,2 %) синдромов. У лиц бурятской национальности преобладал депрессивный синдром (46,2 %), реже встречался психопатоподобный синдром – 33,8 % ($p>0,05$).

4.5. У лиц бурятской национальности чаще, чем у славян, встречались неагрессивные формы мотиваций суицидального поведения: при завершенных суицидах – категория отказа от жизни (20,5 и 8,2 % соответственно, $p<0,05$), с суицидальными попытками – отказ от жизни (соответственно 9,0 и 4,4 %, $p>0,05$) и избегание наказания (соответственно 20,2 и 10,1 %, $p<0,05$).

4.6. Этнокультуральными особенностями, способствующими высокой суицидальной активности бурят, проживающих в Усть-Ордынском Бурятском округе, являются особенности религиозной морали (шаманизм, буддизм), предполагающие достаточно терпимое отношение к самостоятельному уходу из жизни; разрушение традиционной ценностной системы, нравственных представлений и норм, потеря религиозно-культурных корней; низкое качество жизни в сочетании с маргинализацией и алкоголизацией населения.

5. Прогностически значимыми факторами риска рецидивирования суицидального поведения у больных психическими расстройствами являются: деструктивные формы семейного взаимодействия в детстве ($p<0,05$), наличие расстройств личности

и поведения в зрелом возрасте ($p<0,05$), злоупотребление психоактивными веществами в анамнезе ($p<0,01$), совершение первой суицидальной попытки в возрасте до 30 лет ($p<0,001$), наличие тяжелой соматической патологии ($p<0,001$). Статистически значимые различия у пациентов с первичными и повторными суицидальными попытками выявлялись по следующим факторам: частота госпитализаций в психиатрический стационар ($p<0,001$), отклоняющееся поведение в анамнезе ($p<0,01$), тип аффекта после реализации суицидальной попытки «холодное спокойствие» ($p<0,05$).

6. Разработанная и внедренная организационная модель региональной суицидологической службы (Телефон Доверия, кабинет социально-психологической помощи, кризисный стационар) с использованием клинически дифференцированных профилактических и лечебно-реабилитационных программ (комбинированная психофармакотерапия, психотерапевтическая помощь, социальная и психологическая поддержка) обеспечивает снижение суицидальной активности населения.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

Для повышения эффективности профилактики суицидального поведения среди населения Иркутской области рекомендуется.

1. Систематически проводить обучение врачей-интернистов по вопросам диагностики, клиники, лечения и профилактики депрессий и других суицидоопасных состояний.

2. Регулярно повышать квалификацию врачей психиатров, психиатров-наркологов, психотерапевтов амбулаторных и стационарных звеньев службы по вопросам суицидологии (тематические усовершенствования по основам суицидологии, семинары по вопросам оказания эффективной помощи лицам с кризисными состояниями и суицидальным поведением с учетом этнокультурального фактора).

3. Врачам-психиатрам рекомендуется в своей работе учитывать прогностически значимые факторы рецидивирования суицидального поведения у больных психическими расстройствами: возраст совершения первой суицидальной попытки до 30 лет, наличие расстройств личности и поведения в зрелом возрасте, деструктивные формы семейного взаимодействия в детстве, злоупотребление психоактивными веществами в анамнезе, наличие тяжелой соматической патологии.

4. Детским и подростковым врачам психиатрам и интернистам рекомендуется учитывать повышенный риск суицидального поведения у детей и подростков, нигде не обучающихся и не работающих, имеющих деструктивные формы семейного взаимодействия, патологические типы семейного воспитания, различные проявления девиантного поведения, злоупотребление психоактивными веществами.

5. Эффективное лечение психических расстройств, связанных с высоким риском суицидального поведения, обеспечивается применением комплексной терапии (психофармако- и психотерапия), учитывая этнокультуральные особенности населения, проживающего в соответствующем регионе, с соблюдением преемственности в работе отдельных звеньев суицидологической службы.

6. Органам здравоохранения Иркутской области рекомендуется использовать накопленный опыт при организации суицидологической службы в других городах Иркутской области, а также совершенствовать систему мониторинга завершенных суицидов и суицидальных попыток для усиления контроля за суицидологической ситуацией в области и своевременного принятия мер по ее коррекции.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

1. Ворсина О. П. Клинико-социальные характеристики лиц, совершивших суицидальные попытки // Современные вопросы клиники, терапии психических расстройств : Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию организации

психиатрической помощи в Иркутской области. – Иркутск, 2005. – С. 265—266.

2. Ворсина О. П. Современная профилактика суицидального поведения на региональном уровне // Современное состояние и перспективы развития региональной системы здравоохранения в рамках реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» : Материалы межрегиональной конференции. – Иркутск, 2007. – С. 174—175.
3. Ворсина О. П. Динамика и структура самоубийств в Иркутской области // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2008. – № 4. – С. 24—26.
4. Ворсина О. П. Особенности суицидального поведения в областном центре Восточной Сибири // **Российский психиатрический журнал**. – 2009. – № 2. – С. 30—33.
5. Ворсина О. П. Особенности суицидального поведения городского и сельского населения Иркутской области // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии: Материалы XIV научной отчетной сессии НИИ психического здоровья СО РАМН. – Томск, 2009. – Вып. 14. – С. 108—109.
6. Ворсина О. П. Суицидальные попытки пациентов, повлекшие госпитализацию в психиатрический стационар // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2009. – № 2 (53). – С. 13—15.
7. Ворсина О. П. Суицидальное поведение населения, проживающего в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2009. – № 3 (54). – С. 101—102.
8. Ворсина О. П. Этнокультуральные особенности суицидального поведения в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе // **Российский психиатрический журнал**. – 2009. – № 5. – С. 23—27.
9. Ворсина О. П. Динамика и структура завершенных суицидов в Иркутске // **Психическое здоровье**. – 2009. – № 6. – С. 28—30.
10. Ворсина О. П. Анализ самоубийств психически больных лиц в Иркутске (2005—2007) // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2009. – № 5 (56). – С. 44—47.
11. Ворсина О. П. Суицидальная активность городского и сельского населения Иркутской области // **Психическое здоровье**. – 2009. – № 11. – С. 8—11.
12. Ворсина О. П., Михалевич И. М. Предикторы повторных суицидальных попыток пациентов психиатрического стационара // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2010. – № 4 (61). – С. 9—14.

13. Ворсина О. П. Суицидальные попытки населения Усть-Ордынского Бурятского автономного округа // Материалы XV съезда психиатров России. – М., 2010. – С. 337—338.
14. Ворсина О. П. Анализ самоубийств в зависимости от национального состава жителей Усть-Ордынского Бурятского автономного округа // Психическое здоровье населения Дальнего Востока. Региональная научно-практическая конференция в рамках четвертых Яцковских чтений совместно со Вторым Дальневосточным съездом психотерапевтов (Владивосток, 17—18 сентября 2007 г.) / под ред. акад. РАМН В. Я. Семке, проф. И. Г. Ульянова. – Томск; Владивосток, 2010. – С. 17—18.
15. Ворсина О. П. Телефонная психотерапевтическая помощь в превентивной суицидологической службе Иркутска // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2011. – № 2 (65). – С. 57—60.
16. Ворсина О. П., Дианова С. В., Белькова Т. Ю. Особенности суицидального поведения детей и подростков в Иркутске // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2011. – № 5 (68). – С. 20—24.
17. Ворсина О. П. Суицидальные попытки детей и подростков, госпитализированных в психиатрический стационар Иркутска // **Уральский медицинский журнал**. – 2011. – № 11. – С. 5—7.
18. Ворсина О. П. Суицидальное поведение госпитализированных детей и подростков // Повышение эффективности лечебно-реабилитационной помощи психически больным: Материалы всероссийской конференции. – М., 2011. – С. 392.
19. Ворсина О. П. Суицидальные попытки детей и подростков в Иркутске // Суицидология. – 2011. – № 2. – С. 28—29.
20. Ворсина О. П. Особенности суицидального поведения детей и подростков Иркутска // Актуальные вопросы психиатрии: тез. докл. Российской научно-практ. конф. (Чита, 25—26 октября 2011 г.) / под ред. В. Я. Семке, Н. В. Говорина. – Томск, Чита : Изд-во «Иван Федоров», 2011. – С. 28—31.
21. Ворсина О. П., Симуткин Г. Г. Социально-психологическая адаптация суицидентов, госпитализированных в психиатрический стационар // Wykształcenie i nauka bez granic : Материалы VII международной научно-практ. конф. – Przemysl, 2011. – С. 63—67.
22. Ворсина О. П. Этнокультуральные аспекты суицидального поведения населения Усть-Ордынского Бурятского округа: Методические рекомендации. – Иркутск, 2011. – 23 с.

23. Ворсина О. П. Особенности суицидального поведения детей и подростков Иркутской области: Методические рекомендации. – Иркутск, 2011. – 23 с.
24. Ворсина О. П., Баркова Н. П. Психологические характеристики суицидентов, госпитализированных в психиатрический стационар // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2012. – № 1 (70). – С. 50—54.
25. Ворсина О. П. Распространенность завершенных суицидов детей и подростков Иркутской области за 1991—2009 гг. // Актуальные проблемы суицидологии: Материалы межрегиональной научно-практ. конф. – Иркутск, 2012. – С. 29—40.
26. Ворсина О. П., Симуткин Г. Г. Этнокультуральные особенности мотивации и содержания суицидального поведения лиц бурятской и славянских национальностей Усть-Ордынского Бурятского округа // **Сибирский вестник психиатрии и наркологии**. – 2012. – № 3 (72). – С. 93—96.
27. Ворсина О. П. Анализ этнокультуральных особенностей мотивации и содержания суицидального поведения лиц бурятской и славянских национальностей Усть-Ордынского Бурятского округа // Материалы Всероссийской научно-практ. конференции с междунар. участием «Психическое здоровье населения как основа национальной безопасности России». – Казань, 2012. – С. 326—327.